

Манучарова Дарья Александровна, магистр, научный сотрудник. Государственная Третьяковская галерея, Лаврушинский пер., д. 10, Москва, Российская Федерация, 119017. ManucharovaDA@tretyakov.ru

Manucharova, Darya Aleksandrovna, MA, researcher. The State Tretyakov Gallery, Lavrushinsky lane, 10, 119017 Moscow, Russian Federation. ManucharovaDA@tretyakov.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ГРУППЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА М. А. ВРУБЕЛЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

THE RESEARCH GROUP OF MIKHAIL VRUBEL'S OEUVRE AT THE STATE ACADEMY OF ART SCIENCES

Аннотация. Группа по изучению творчества М. А. Врубеля была создана в Государственной академии художественных наук по инициативе Н. М. Тарабукина в 1928 г. Она просуществовала меньше года, и тем не менее за короткий срок ее участниками была проделана работа, результаты которой оказали серьезное влияние на дальнейшую историю изучения наследия и биографии Врубеля. Участники группы занимались разработкой методик изучения жизни и творчества художника, сбором материалов «иконографического, биографического, библиографического характера». Многие вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях группы, до сих пор не разрешены и нуждаются в переосмыслении сегодня, с новой точки зрения. К их числу относятся проблемы соотношения религиозного и демонического начал в творчестве Врубеля, психологии цвета его живописных и майоликовых произведений, определения их стилистической принадлежности, вопрос о принципиальных различиях художественного метода Врубеля и кубистов при очевидном сходстве формальных приемов. В докладах и выступлениях оппонентов на заседаниях группы предлагались новые подходы к изучению биографии и художественного наследия Врубеля, обогащенные методами разных областей знаний. Главным результатом деятельности группы стала монография ее руководителя Тарабукина о Врубеле, изданная спустя много лет после расформирования ГАХН. В этой книге особое внимание уделено проблемам синтеза искусств, изучения творческого метода Врубеля и его сопоставления с художниками-авангардистами. Эти темы становились предметом горячих споров и живых обсуждений участников заседаний группы. В статье рассматривается, насколько последовательно в книге Тарабукина находят отражение идеи, впервые выдвинутые на заседаниях группы. Прослеживается общность в использовании методов, терминов. Работа Группы по изучению творчества Врубеля представлена в статье как важный этап осмысления наследия художника.

Ключевые слова: Государственная академия художественных наук; Михаил Врубель; Николай Тарабукин; Дмитрий Недович; формальный метод; реализм; демоническое.

Abstract. In February 1928, a group which initiated studies of Mikhail Vrubel's oeuvre was created at the State Academy of Art Sciences, but it existed not too long till it was closed in October the same year. Nikolai Tarabukin set up the Group and became its leader. The activity of the Group is mentioned in the publications on Vrubel and the State Academy of Arts, but it has never been the subject of a special study. The work of the Group had two main directions: collecting "iconographic, biographical, and bibliographic" materials and discussing reports. Nikolai Tarabukin's report "The Theme of Grief in Vrubel's Art" opened the first in the series of such discussions, followed by the report "Demonism and Vrubel" by an art scientist and translator Dmitry Nedovich. Not only did art historians take part in the Group's activities but also considered interaction with people who personally knew Vrubel as an important area of the work. After the dissolution of the Group, in his book "Mikhail Alexandrovich Vrubel", Nikolai Tarabukin developed the ideas that were proposed at the meetings. He used the same terms, perceived the artist's works as realistic in essence, etc. Much of what the Group planned may be relevant today. That is a systematic collection of materials necessary to clarify the information about the life and works of Vrubel and a serious study of his method by specialists from different fields of science.

Keywords: the State Academy of Art Sciences; Mikhail Vrubel; Nikolai Tarabukin; Dmitrii Nedovich; formal analysis; realism; the demonic.

Творчество Михаила Александровича Врубеля нередко становилось предметом бурных споров и горячих обсуждений в искусствоведении и критике. Статьи и воспоминания о художнике начали публиковаться вскоре после его смерти в 1910 г., а первые монографии С. П. Яремича [19] и А. П. Иванова [6], посвященные его творчеству, были изданы через год, в 1911-м.

В 1920-е гг. научный интерес к наследию Врубеля не угас, по крайней мере среди членов Государственной академии художественных наук. За несколько лет в разных секциях ГАХН было сделано множество докладов, посвященных различным аспектам биографии и художественной деятельности мастера. Одним из первых в стенах этого учреждения свою точку зрения на творчество Врубеля изложил П. И. Карпов, врач-психиатр, с которым художник сблизился в 1904 г. во время пребывания в

лечебнице доктора Ф. А. Усольцева. С 1924 г. Карпов был председателем Комиссии по изучению творчества душевнобольных физико-психологического отделения ГАХН, где на одном из заседаний в 1927 г. представил доклад «Миф и сказка в живописи», посвященный творчеству Врубеля и Чюрлениса [3, с. 10].

В 1928 г. при Секции пространственных искусств ГАХН была создана специальная Группа по изучению творчества Врубеля. К тому времени в разных отделениях академии существовали группы, посвященные одному деятелю: Ассоциация по изучению творчества Блока, Достоевского, Кабинет по изучению творчества Сурикова и даже Комиссия по изучению творчества Плеханова как теоретика искусства [7]. Врубелевская группа просуществовала меньше года: с 3 февраля по осень 1928 г. Ее возглавлял Н. М. Тарабукин, членами президиума были назна-

Илл. 1. М. А. Врубель. Портрет П. И. Карпова. Бумага, графитный карандаш. 33,8 x 25,5. Государственная Третьяковская галерея, Москва. Инв. № Р-234

ченые Д. С. Недович и Л. А. Никитин, секретарем — Н. М. Гайденов, в то время аспирант ГАХН (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 13. Ед. хр. 27. Л. 1). Об основных направлениях деятельности группы можно узнать из плана ее работ, находящегося в отделе рукописей Третьяковской галереи, в фонде скульптора и члена ГАХН В. Н. Домогацкого, где значилось:

«Работа распределяется на: 1) Доклады а) общего порядка и б) единичного порядка; 2) собрание материалов а) иконографического, б) биографического, с) библиографического характера; 3) картотеку.

Доклады общего порядка имеют в виду монографические характеристики Врубеля.

Доклады единичного порядка предполагают разработку специальных тем, касающихся творчества или биографии Врубеля.

<...>

Доклады общего характера согласились прочесть Д. С. Недович, А. И. Анисимов, Н. М. Тарабукин, доктор Усольцев, А. Г. Габричевский и др.

Принять участие в качестве регулярных сотрудников группы согласились ряд сотрудников Третьяковской галереи напр. Ю. Д. Соколов и другие.

Работа по собиранию материалов о творчестве и жизни Врубеля выразится в одновременном собирании биографических, иконографических материалов; Описание всего, сделанного Врубелем и находящегося в государственных музеях Москвы, Ленинграда, Киева, а также и в частных руках. К живущей в Ленинграде сестре Врубеля предполагается обратиться за биографическим материалом. С тем же имеется возможность обратиться к некоторым киевлянам, знавшим Врубеля.

Весь собираемый материал будет отлагаться по мере возможности в виде систематической картотеки или же храниться в кабинете СПИ в виде подлинных произведений, рукописей, актов описания, фотографий и т. д.» (ОР ГТГ. Ф. 12. Ед. хр. 580. Л. 1).

Часть из этих задач была успешно выполнена. Работе группы согласились содействовать: сестра художника Анна Александровна, П. П. Кончаловский, В. Д. Державин, В. П. Поморцев, П. И. Карпов и другие (ОР ГТГ. Ф. 12. Ед. хр. 587. Л. 1). За несколько месяцев существования группы состоялось обсуждение как минимум семи докладов: Н. М. Тарабукина «Тема скорби у Врубеля» (10 февраля), Д. С. Недовича «Демонизм и Врубель» (17 февраля), Ф. А. Усольцева «Творчество Врубеля» (24 февраля), Л. А. Никитина «Антиномии в творчестве Врубеля» (7 марта), В. Д. Измайловской «Врубель в творчестве Блока» (6 апреля), Н. А. Черниковой «Схема индивидуального анализа при составлении биографии Врубеля» (11 апреля) и Н. И. Рождественской «Библиография Врубеля» (ОР ГТГ. Ф. 12. Ед. хр. 581. Л. 1).

То есть основная задача группы виделась во всестороннем изучении творчества Врубеля. Докладчики исследовали темы, проходящие через все этапы его художественной деятельности. Сопоставляли особенности методов мастеров разных видов искусства, таких как Врубель и Блок, которых, впрочем, часто сравнивали в литературе разных лет (и напомним, что именно Блок произнес знаменитую речь на похоронах Врубеля). Психолог Н. А. Черникова предложила применить к составлению биографии художника психографический подход. Как она объясняла, «подобная схема индивидуального анализа, представляет собой систему вопросов, распределённых на следующие группы: — наследственность, влияние внешней среды, физическое и психическое развитие, интересы и идеалы, внешние и внутренние условия художественного творчества» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 102).

После каждого доклада следовали оживленные дискуссии, стенографии которых воспроизведены в протоколах заседания группы. Особенно много критических замечаний было высказано в адрес упомянутого доклада Черниковой, чью схему составления биографии художника предлагалось тщательно доработать, и Л. А. Никитина, о котором будет рассказано позже.

Работа группы открылась докладом Тарабукина «Тема скорби у Врубеля». В нем автор предложил неординарную схему творческой эволюции художника, состоящей, по его мнению, из этапов, сопоставимых с целыми эпохами в истории искусства. Приведем некоторые из тезисов Тарабукина:

«1. Как всякая культура в целом такая большая творческая индивидуальность проходит в своем органическом росте этапы: архаики, классики и эклектизма.

2. С этой точки зрения ранний период работы Врубеля в Киеве — будет архаическим этапом в его творчестве (роспись Кирилловской церкви в Киеве и эскизы к росписи Владимирского собора там же).

Классический период наступает в конце жизни в Киеве (орнаменты Владим. Собора).

Илл. 2. Здание Государственной академии художественных наук. Фотография. 1923–1930

Илл. 3. Д. С. Недович. Фотография

Эклектизм — московский этап» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 313).

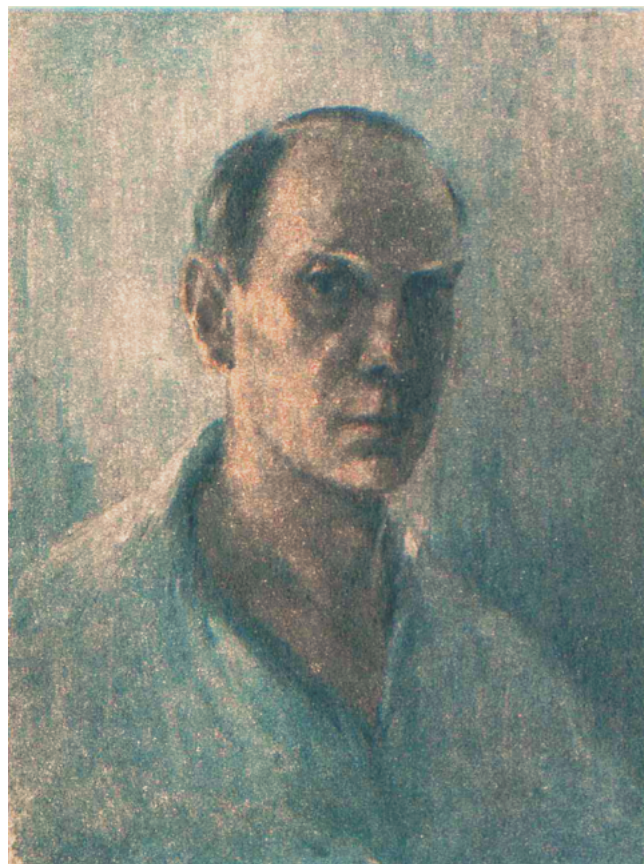
Эти идеи будут проанализированы далее в контексте разговора о книге Тарабукина о Врубеле. Наряду с руководителем группы ее основной костяк составляли постоянные участники заседаний Д. С. Недович и Л. А. Никитин. Без изучения тезисов их докладов невозможно составить верное представление о методах в применении к исследованию творчества Врубеля в ГАХН.

Дмитрий Саввич Недович (1889–1943), ровесник Н. М. Тарабукина, теоретик искусства, исследователь античности, один из учредителей ГАХН. В докладе «Демонизм и Врубель», как и в большинстве своих трудов, он использовал формальный метод и методы философии. Недович проследил эволюцию образа демона в истории культуры: от античной трагедии через «христианскую мифологию» и творчество Гёте к искусству романтизма, к которому относил и творчество Врубеля. Основная идея доклада заключалась в том, что, по словам автора, «под знаком демонического протекало все творчество Врубеля: это подтверждается анализом его форм» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 232). Последний пункт в тезисах Недовича звучит довольно категорично: «Жизнь художника и его судьба были тесно связаны с его творчеством; демонизм вызвал безумие» (Там же). Развенчанием этого устоявшегося представления о Врубеле занимались исследователи нескольких поколений, начиная с Усольцева.

Наиболее острая полемика развернулась вокруг «Антиномии в творчестве Врубеля» Л. А. Никитина. Леонид Александрович Никитин (1896–1942) был не столько искусствоведом, сколько живописцем (он учился во Вхутемасе у А. В. Лентулова) и театральным художником. В своем докладе он называл Врубеля реалистом и пришел к выводу, что «творчество Врубеля в

своем существе не антиномично» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 196). Он использовал термин «византизм», встречающийся в более ранних исследованиях о Врубеле С. П. Яремича [19] и С. К. Маковского, но вкладывал в него иную, негативную коннотацию: «Отрицательным полюсом его антиномики является не преодоленный византизм — этим определяется декаданс Врубеля» (Там же). Судя по протоколам заседания, Никитин проводил параллели между творчеством Врубеля и деятельностью революционера М. А. Бакунина. Такое сравнение вызвало резкое несогласие оппонентов, в том числе Н. М. Тарабукина, говорившего также о методологической невыдержанности доклада. Последний факт доказывает, что для членов группы очень важным было качество научных сообщений. Насколько можно судить, опираясь на тезисы, в сопоставлении с докладами Тарабукина и Недовича выступление художника Никитина было менее структурированным и отличалось использованием социологического подхода, не принятого участниками группы, которые придерживались, в первую очередь, формального метода.

Последние по времени документы, имеющие отношение к деятельности группы, — это ее отчет за 1928-й и смета на 1929 г., подписанные Тарабукиным. Текст отчета заканчивается следующими словами: «Отсутствие средств ставит препятствия расширению работы группы... СПИ известно, что группа не имеет ни одной платной единицы. Председатель, секретарь и сотрудники ничего от Академии не получают. Учитывая это обстоятельство, группа, казалось, могла бы рассчитывать на удовлетворение хотя бы некоторых ее запросов. Работа группы, видимо, находит отклик и среди широких слоев, посещающих Академию, ибо как указывают явочные листы группы, на ее заседаниях присутствует обычно несколько десятков человек, а иногда цифра превышает и сотню» (ОР ГТГ. Ф. 12. Ед. хр. 587. Л. 1 об.). В документах прямо не называются причины расформирования группы, но можно предположить, что оно связано с изменением отношения к творчеству Врубеля в советском искусствознании и, как следствие, — с отсутствием финансирования группы.

Илл. 4. Л. А. Никитин. Автопортрет. 1935. Опубликовано в: Огонёк. 1989. № 27. С. 9

Илл. 5. Н. М. Тарабукин. Фотография. 1933

Уже после ликвидации группы и самой ГАХН творчеству художника посвятили ряд статей и монографий бывшие сотрудники академии М. В. Алпатов, А. В. Бакушинский, С. Н. Дурылин, И. Д. Ермаков и А. А. Федоров-Давыдов. И все-таки наиболее последовательное воплощение методы, выработанные на заседаниях Группы по изучению творчества Врубеля, получили в монографии ее председателя Н. М. Тарабукина «Михаил Александрович Врубель» [16].

Прежде чем перейти к анализу этой книги и для того, чтобы представить контекст ее создания более полно, необходимо сделать отступление о биографии и деятельности автора. Тарабукин родился в 1889 г. в селе Спасском Спасского уезда Казанской губернии, учился в гимназии в Ярославле [17; 12, с. 117]. Его серьезное увлечение искусством началось со знакомством в 1909 г. и дальнейшим общением с художником-графиком М. К. Соколовым (1885–1947), уроженцем Ярославля, окончившим Строгановское училище. Впоследствии Тарабукин вспоминал: «...он [Соколов] впервые обратил мое внимание на живопись, которую я тогда плохо знал, увлекаясь поэзией и литературой» [Цит. по: 17, с. 6]. Под влиянием Соколова сформировались художественные пристрастия будущего искусствоведа, который признавался: «В Румянцевском музее Соколов высоко ценил этюды Александра Иванова к «Явлению Мессии», считая их значительнее самой картины. В Третьяковке Соколов начисто отвергал всех «передвижников», Репина терпеть не мог, над Верещагиным издевался, Шишкина не удостаивал даже взглядом. Словом, вся середина галереи была зачеркнута и оставались приемлемыми только ее начало и конец, то есть XVIII век с Рокотовым, Левицким, Боровиковским и Суриков, Серов, Врубель» [Цит. по: 17, с. 8].

Окончив гимназию в 1910 г., Тарабукин поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В следующем году он оставил университет, переехал обратно в Ярославль, где получил высшее образование в Демидовском

юридическом лицее, окончив его в 1917 г. В 1913–1914 гг. совершил путешествие за границу «для осмотра памятников архитектуры и искусства» (куда именно — неизвестно).

После завершения обучения он переехал в Петроград, где работал над своими первыми книгами: «Опыт теории живописи» (опубликована с изменениями в 1923 г.), «Философия иконы» (опубликована в 1999 г.). Там же он познакомился с Н. Н. Пуниным. С 1918 г. сотрудничал с литературно-художественными газетами, преподавал и читал лекции по теории, истории и социологии искусства в Пролеткульте и Вхутемасе (с 1922), ГОСТИМ им. Мейерхольда (с 1923), ВГИКе (с 1927), ГИТИСе (с 1934) и других учреждениях. В 1920–1949 гг. работал в отделе охраны памятников при Наркомпросе, в 1921–1924 гг. состоял действительным членом и ученым секретарем в Инхуке. В начале 1920-х гг. сблизился с писателем-символистом Г. И. Чулковым, автором нескольких статей о творчестве Врубеля, а в 1922 г. женился на сестре Чулкова — художнице Л. И. Рыбаковой. К этому же времени относится знакомство Тарабукина с А. Ф. Лосевым.

В 1920–1930 гг. работал в ГАХН, где за это время сделал 22 доклада и написал ряд статей для «Энциклопедии художественной терминологии», центрального и самого масштабного проекта академии. В 1928 г. был избран членом-корреспондентом ГАХН и возглавил Группу по изучению творчества Врубеля. Летом того же года находился в научной командировке в Киеве, Ленинграде и Новгороде для исследования древнерусского искусства и творчества Врубеля. С 1921 по 1928 гг. опубликовал 4 брошюры и 123 статьи, в основном посвященные проблемам современного искусства. Самая известная из них — брошюра «От мольберта к машине» 1923 г., переизданная в 2015 г. [18].

Илл. 6. Н. М. Тарабукин. От мольберта к машине (М., 1923). Обложка А. Ф. Софроновой

Н. М. Тарабукин
ВРУБЕЛЬ

Илл. 7. Н. М. Тарабукин. Михаил Александрович Врубель (М., 1974). Обложка

Период творческого подъема сменился некоторым «затишьем». И хотя в последующие десятилетия Тарабукин продолжал активно работать, большинство его трудов этого времени были изданы уже посмертно. В 1930–1940-е гг. он совершил несколько экспедиций по разным регионам СССР для изучения памятников культуры, преподавал в Театральной школе-студии МХАТ и Литературном институте, работал над диссертацией по архитектуре Закавказья. В 1940 г. ему, с разрешения ВАК, хотя и с некоторыми трудностями, удалось защитить докторскую диссертацию без наличия ученой степени кандидата наук.

Монография Тарабукина о Врубеле вышла из печати через 18 лет после смерти автора, хотя была закончена к началу 1930-х гг. Известно, что в 1932 г. Тарабукин уже вел переговоры с ИЗОГИЗом насчет издания этой работы. В предисловии к книге 1974 г. М. В. Алпатов сообщал, что она «в своих основных разделах не устарела (при подготовке ее к печати были опущены лишь частности, к которым утратился в наше время интерес...)» [16, с. 6]. Сам автор называл свою работу о Врубеле очерком [16, с. 6], что действительно соответствует стилю ее изложения, характерному для других известных работ Тарабукина (вспомним, что он был художественным критиком и писал статьи для газет). Книга не отягощена сложными научными оборотами и терминами, но при этом в ней затронуты серьезные искусствоведческие вопросы.

В начале книги Тарабукин указывал на то, что хотел бы предоставить слово самому Врубелю, ничего не добавляя от себя [16, с. 7]. Автор очень точно следовал эпистолярному наследию художника, привлек широкий круг архивных материалов и устных свидетельств людей, общавшихся с Врубелем. Этот подход характерен для большинства исследований о творчестве мастера, таких как книги П. К. Суздалева [14] и Д. З. Коган. Но, как бы авторы ни стремились к объективному рассказу о творчестве художника, в их трудах отражено и личное восприятие произведений Врубеля каждым из них, и приметы того времени, в которое монографии были написаны.

Книга Тарабукина построена нестандартно: автор ушел от хронологического принципа и деления по темам, к которым обращался Врубель. Шестнадцать небольших глав посвящены разным аспектам творчества художника. В чем-то они пересекаются, так что встречаются небольшие смысловые повторы, о чем Тарабукин предупреждал в предисловии [16, с. 7]. В некоторых главах освещены проблемы контекста, времени, в которое работал художник. Они называются: «Врубель и его современность», «Философия искусства». Части книги «Композиция», «Колорит» посвящены внутренним законам творчества художника и анализу его произведений. Некоторые главы имеют образные названия: «Дело душевное...», «Дар перевоплощения», «Круг жизни».

Тарабукин обладал очень целостным взглядом на творчество Врубеля, в чем убеждает книга. Но на его формирование не могли не оказать влияния разные подходы к изучению наследия художника, предложенные на заседаниях Группы по изучению Врубеля в ГАХН.

Так, если попытаться выделить основную мысль книги Тарабукина, то нельзя не заметить, что рефреном в ней звучит следующее утверждение: творчество Врубеля реалистично по своей сути. Автор писал о реалистичности даже такого произведения, как «Демон поверженный» (1902, ГТГ). В настойчивом повторении этой идеи видится знак советского времени, когда Врубеля относили к декадентам, буржуазным живописцам. Возможно, причисляя его к художникам-реалистам, Тарабукин пытался найти место Врубеля в системе ценностей нового государства.

Другой вопрос, что именно автор подразумевал под «реализмом». Ответ можно найти в книге «От мольберта к машине» [18], где Тарабукин объяснял: «Понятие “реализм” я употребляю в самом широком смысле и отнюдь не отождествляю его с натурализмом, являющимся одним из видов реализма и притом самым примитивным и наивным по выражению. <...> Не копирование действительности стало отныне мотивом реалистических устремлений (как это было у натуралистов), но, напротив, действительность перестает быть в каких бы то ни было отношениях стимулом творчества. Художник в формах своего искусства создает свою действитель-

Илл. 8. М. А. Врубель. Автопортрет. 1904–1906. Бумага, пастель, уголь, коллаж. 64 x 46. Государственная Третьяковская галерея, Москва. Инв. № Р-4687

ность, и реализм им понимается, как сознание подлинной вещи, самодовлеющей и по форме, и по содержанию, вещи, не репродуцирующей предметов действительного мира, а конструируемой от начала до конца художником вне проекционных линий, которые могли бы быть протянуты к ней от действительности» [18, с. 15]. Ценные указания можно найти и в очерке театроведа Б. И. Зингермана, слушавшего лекции Тарабукина в ГИТИСе, который писал: «...реализм в искусстве Тарабукин понимает как природу. Только не скопированную, а вновь воссозданную художником и убедительную, как сама природа. <...> Не слепок, подставленный на место живой природы, но и не идеалистическое самоутверждение. Реализм как органичность» [16, с. 16]. В такой концепции реализма, идущей от Гёте, синтезируются идеи разных докладчиков Группы по изучению творчества Врубеля ГАХН: так, Недович говорил о близости эстетических позиций Врубеля и Гёте, Никитин относил Врубеля к реалистам, а Усольцев утверждал, что Врубель вдохновлялся природой, но не был рабом природы (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 369).

Главный предмет исследования Тарабукина — творческий метод художника. Автор ставил перед собой задачу разгадать, что именно помогло Врубелю достичь в своих произведениях невероятной гармонии формы, композиции, цвета, какими средствами пользовался художник и какие внешние факторы повлияли на сложение его мастерства. К этим вопросам Тарабукин возвращался практически в каждом разделе и особенно подробно разбирал их в главах «Труд» и «Учитель» (последняя посвящена П. П. Чистякову).

В связи с этим приведем любопытный факт: оппонируя Тарабукину на заседании группы в ГАХН, живописец М. Ф. Шемякин указывал, что докладчик совсем не уделил внимания технике Врубеля, которая, по мнению художников, составляет главную

ценность творчества мастера (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 2). Возможно, автор принял к сведению это замечание и в своей книге отвел важное место именно творческой «кухне» художника, рассказывал, каким краскам Врубель отдавал предпочтение и с чего начинал работу над картиной.

В главе «Колорит» Тарабукин проанализировал палитру и соотношение цветовых пятен в произведениях Врубеля. Он писал о символике цветов («фиолетовый и черный — цвета скорби» [16, с. 107]), о чем говорил ранее в своем докладе на заседании группы. В том же разделе книги, разбирая графическое наследие мастера, автор пришел к выводу о «колористичности» его рисунков: «Сумма штрихов, объединенных в целое пятно — вот техническая и фактурная основа карандашного рисунка Врубеля. Его рисунок не графичен в смысле Бердслея, не живописен в смысле Рембрандта и не пластичен в смысле Микеланджело. Его рисунок, как и его живопись, колористичен. Основная концепция художника — штриховое пятно» [16, с. 110].

Как и в своем докладе 1928 г., в начале книги Тарабукин обозначил деление творчества Врубеля на три периода: петербургский (годы обучения в университете и академии), киевский и московский. Автор искренне верил, что герой его книги — один из крупнейших мастеров в мировом искусстве, и убеждал в этом на страницах своего исследования: «Врубель был величайшим русским портретистом. Кроме некоторых портретных голов Александра Иванова да нескольких портретов Кипренского и Брюллова — ничто не идет в сравнение», — писал Тарабукин в главе под названием «Глаза» [16, с. 65]. «В его пейзажах нет ни подчинения природы человеку, как у мастеров эпохи Ренессанса, ни подчинения человека природе, как у голландцев XVII столетия. У Врубеля природа и человек космически приподняты», — таков итог раздела про пейзаж [16, с. 85]. Согласно Тарабукину, Врубелю равны по мастерству только титаны Возрождения. В книге неоднократно приводятся сопоставления с творчеством и мировоззрением Леонардо да Винчи, что можно было встретить и в речи Тарабукина, оппонировавшего докладу Ф. А. Усольцева на заседании группы в ГАХН (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 13. Ед. хр. 27. Л. 7).

В издании 1974 г. обозначены и другие параллели, выдвигавшиеся на заседаниях группы и получившие поддержку в литературе о художнике более позднего периода: Врубель—Блок и Врубель—Рублев. При этом Тарабукин в своей книге оспаривал идею схожести двух великих мастеров, Врубеля и Сезанна [16, с. 112]. Это сравнение было выдвинуто в статье П. П. Муратова [9], а затем в докладе Л. А. Никитина на заседании группы в ГАХН, где встретило критику С. Д. Недовича.

Еще одна важная тема, затронутая на заседаниях группы и обозначенная в книге Тарабукина, — Врубель и авангард. Автор доказывал, что мастер предвосхитил поиски многих русских и зарубежных авангардистов, живописные приемы которых, в отличие от Врубеля, механистичны и не оправданы художественными задачами. Тарабукин писал: «Кстати сказать, наклейку из бумаги Врубель применил, видимо, первый в живописи. У доктора Усольцева хранился автопортрет художника с папироской в руке. Белая папироска наклеена из бумаги. Но это не был “фактурный трюк”, как у Пикассо, Брака и русских супрематистов, а прием, обусловленный колористической задачей. <...> У Н. А. Прахова хранился карандашный рисунок обнаженного мужского тела, сделанный как бы “лучистски”. <...> Но, в отличие от ларионовской зауми, во врubeлевских столкновениях “лучей” сказались искания пространственных и объемных форм, выраженных колористически. Так же дело обстоит с “кубизмом” Врубеля. Кубизм как стилистическая концепция был совершенно чужд Врубелю. И если техника “пятна” приводила к некоторому, чисто внешнему напоминанию кубистических построений... и к частичной, едва заметной деформации изобразительности, то это объясняется все теми же колористическими задачами» [16, с. 111–112].

Список литературы:

1. Алпатов М. В. Живописное мастерство Врубеля. М.: Мусагет: Лира, 2000. 232 с.
2. Бакушинский А. В. Монументально-декоративные искания эпохи модерна. Врубель–Серов // Искусство. 1934. № 4. С. 160–167.
3. Бюллетень ГАХН / Под ред. А. А. Сидорова. Вып. 10. М., 1927–1928.

Но автора книги нельзя обвинить в слепой идеализации Врубеля. Он упоминал о творческих неудачах мастера, которые, впрочем, едва ли воспринимаются таковыми современными зрителями. Так, Тарабукин писал о «дешевой» подмене символики аллегорией в картинах «Царевна-Лебедь» (1900, ГТГ) и «Царевна Волхова» (1897–1898, ГРМ).

Работа Тарабукина «унаследовала» от докладов врubeлевской группы и терминологическую базу. Такие понятия, как «антиномии» и «византизм» в применении к творчеству художника в литературе о Врубеле ассоциируются именно с книгой Тарабукина, подтверждение чему можно найти в трудах П. К. Суздалева [14, с. 53; 15, с. 206]. На самом деле эти термины звучали ранее на заседаниях в ГАХН.

Основной метод, который использовал Тарабукин — это формальный. «Во время лекций, — вспоминал об учителе Зингерман, — он никогда не рассказывал ни об эпохе, в которую жил и действовал художник... ни об его внутреннем мире... ни тем более — о подробном сюжете картины, которую показывал студентам. Это было бы... непростительной уступкой “литературности”, которую Тарабукин терпеть не мог ни в живописи, ни в комментариях к живописи. <...> Формальный анализ Тарабукина должен был произвести впечатление объективной беспристрастности» [10, с. 9].

При этом формальный метод Тарабукина не был узко ограниченным, автор обогащал его новыми подходами. Как и другие докладчики врubeлевской группы, в своей книге Тарабукин применял междисциплинарный подход к изучению творчества художника. Одновременно с книгой о Врубеле он работал над статьями о В. Э. Мейерхольде, и, будучи исследователем как изобразительного искусства, так и театра, по словам того же Зингермана, Тарабукин «имел обыкновение рассматривать произведения изобразительного искусства с позиций театрального спектакля, а мизансцену, шумную массовку как живописную многофигурную композицию» [10, с. 12]. Подтверждение этим словам можно найти в главе о композициях Врубеля, типы которых внимательно изучил Тарабукин. Автор неоднократно использовал музыкальные термины «фортиссимо», «интервал», «гармоническая структура» в применении к творчеству Врубеля.

Материалы, собранные за время работы группы, и возможности формального метода позволили Тарабукину в небольшой по объему книге осветить разные темы, связанные с наследием художника, и охватить практически все стороны его деятельности, начиная с монументальных росписей, заканчивая керамическими произведениями и менее известными морскими этюдами.

При всей легкости изложения книга Тарабукина ориентирована скорее на подготовленного читателя, хорошо знакомого с творчеством художника. В строгом смысле это даже не монография, в ней нет последовательного рассказа о событиях из жизни художника, повлиявших на воплощение конкретного замысла, нет подробных описаний тем и сюжетов произведений Врубеля или классификации обширного творческого наследия художника, пробовавшего свои силы в разных видах искусства. Как и доклады группы в ГАХН, книга Тарабукина о Врубеле рассчитана на глубокий уровень погружения в проблемы творчества художника.

Путь, намеченный Группой по изучению творчества Врубеля и Тарабукиным в его книге, во многом актуален и сегодня. Перспективны пристальное изучение творческого метода Врубеля, исследование биографии и наследия художника специалистами из разных областей науки и, главное, — параллельная работа над научными трудами и сбором различного рода материалов, необходимых для уточнения сведений о жизни и произведениях художника, до сих пор овеянных множеством мифов.

4. Врубель: Переписка. Воспоминания о художнике / Сост. и коммент. Э. П. Гомберг-Вержбинской и Ю. Н. Подкопаевой. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1976. 383 с.
5. Домитеева В. М. Врубель. М.: Молодая гвардия, 2014. 477 с.
6. Иванов А. П. Врубель : биограф. очерк А. П. Иванова. СПб.: Н. И. Бутковская, 1911. 84 с.
7. Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Том I : Исследования / Под ред. Н. С. Плотникова и Н. П. Подземской при участии Ю. Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 447 с.
8. Михаил Александрович Врубель. 1856–1910 / Сост. альбома и авт. вступ. статьи А. А. Федоров-Давыдов. М.: Искусство, 1968. 46 с.
9. Муратов П. П. Врубель // Московский еженедельник. 1910. № 15. С. 46–50.
10. Н. М. Тарабукин о В. Э. Мейерхольде / Предисл. Б. И. Зингермана. М.: О. Г. И., 1998. 110 с.
11. Никитин А. Л. Леонид Александрович Никитин (1896–1942) // Панорама искусств. Вып. 12. М.: Советский художник, 1989. С. 241–261.
12. Никитина В. Р. Дом окнами на закат : Воспоминания / Лит. запись, вступ. ст., коммент. и указ. А. Л. Никитина. М.: Интерграф Сервис, 1996. 351 с.
13. Ракитин В. И. Михаил Врубель. М.: Искусство, 1971. 103 с.
14. Суздаев П. К. Врубель: Личность. Мировоззрение. Метод. М.: Изобразительное искусство, 1984. 479 с.
15. Суздаев П. К. Врубель и Лермонтов. М.: Изобразительное искусство, 1991. 237 с.
16. Тарабукин Н. М. Михаил Александрович Врубель. М.: Искусство, 1974. 172 с.
17. Тарабукин Н. М. Смысл иконы. М.: Издательство Православного Братства Святителя Филарета Московского, 1999. 218 с.
18. Тарабукин Н. М. От мольберта к машине. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 71 с.
19. Яремич С. П. Михаил Александрович Врубель: Жизнь и творчество. М.: И. Кнебель, [1911]. 187 с.

References:

- Alpatov M. V. *Zhivopisnoe masterstvo Vrubelia (Vrubel's Artistic Mastery)*. Moscow, Musaget, Lira Publ., 2000. 232 p. (in Russian)
- Bakushinskii A. V. Monumental and Decorative Searches of the Art Nouveau. Vrubel-Serov. *Iskusstvo (Art)*, 1934, vol. 4, pp. 160–167. (in Russian)
- Domiteeva V. M. *Vrubel*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2014. 477 p. (in Russian)
- Fedorov-Davydov A. A. *Mikhail Aleksandrovich Vrubel. 1856–1910*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968. 46 p. (in Russian)
- Gomberg-Verzhbinskaia E. P. (ed.). *Vrubel': Perepiska. Vospominaniia o khudozhnike (Vrubel: Correspondence. Memoirs about the Artist)*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1976. 383 p. (in Russian)
- Iaremich S. P. *Mikhail Aleksandrovich Vrubel: Zhizn' i tvorchestvo (Mikhail Aleksandrovich Vrubel: Life and Oeuvre)*. Moscow, I. Knebel Publ., [1911]. 187 p. (in Russian)
- Ivanov A. P. *Vrubel': Biograficheskii ocherk A. P. Ivanova (Vrubel: Biographical Essay of A. P. Ivanov)*. Saint Petersburg, N. I. Butkovskaia Publ., 1911. 84 p. (in Russian)
- Muraton P. P. Vrubel. *Moskovskii ezhenedel'nik (Moscow Weekly Newspaper)*, 1910, vol. 15, pp. 46–50. (in Russian)
- Nikitin A. L. Leonid Aleksandrovich Nikitin (1896–1942). *Panorama iskusstv (Panorama of the Arts)*. Vol. 12. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1989, pp. 241–261. (in Russian)
- Nikitina V. R. *Dom oknami na zakat: Vospominaniia (House with Windows to the Sunset: Memoirs)*. Moscow, Intergraf Servis Publ., 1996. 351 p. (in Russian)
- Plotnikov N. S.; Podzemskaia N. P. (eds.). *Iskusstvo kak iazyk — iazyki iskusstva. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk i russkaia esteticheskaiia teoriia 1920-kh gg. (Art as a Language — the Languages of Art. The State Academy of Arts and Russian Aesthetic Theory of the 1920s)*. Vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 447 p. (in Russian)
- Rakitin V. I. *Mikhail Vrubel*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1971. 103 p. (in Russian)
- Sidorov A. A. (ed.). *Bulleten' GAKhN (Bulletin of the State Academy of Art Sciences)*. 1927–1928. Vol. 10.
- Suzdalev P. K. *Vrubel' i Lermontov (Vrubel and Lermontov)*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1991. 237 p. (in Russian)
- Suzdalev P. K. *Vrubel': lichnost'. Mirovozzrenie. Metod (Vrubel: personality. World View. Method)*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1984. 479 p. (in Russian)
- Tarabukin N. M. *Mikhail Aleksandrovich Vrubel*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974. 172 p. (in Russian)
- Tarabukin N. M. *Ot mol'berta k mashine (From the Easel to the Machine)*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2015. 71 p. (in Russian)
- Tarabukin N. M. *Smysl ikony (The Meaning of an Icon)*. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Bratstva Sviatitelia Filareta Moskovskogo Publ., 1999. 218 p. (in Russian)
- Zingerman B.I. (ed.) *N. M. Tarabukin o V. E. Meyerholde (N. M. Tarabukin about V. E. Meyerhold)*. Moscow, O.G.I. Publ., 1998. 110 p. (in Russian)